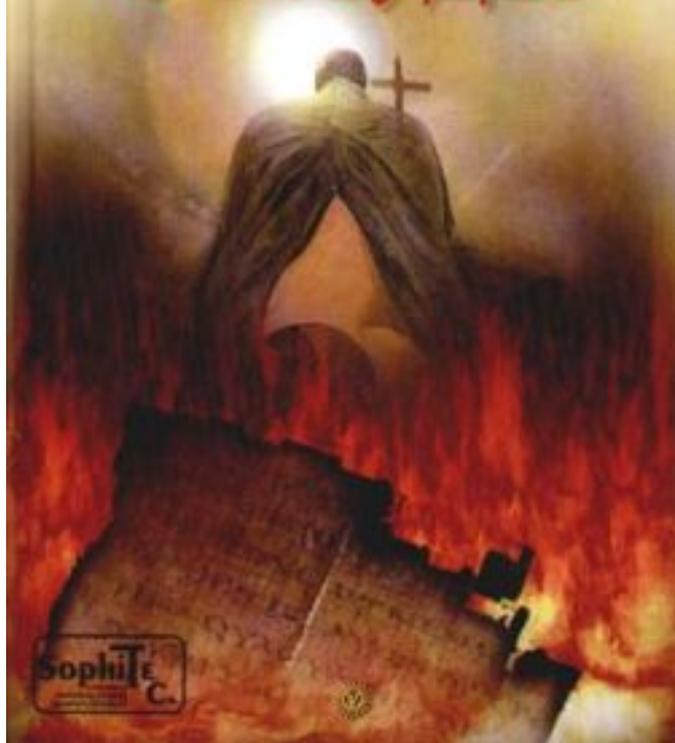

ЛАБИРИНТЫ ИСТИНЫ

Этьен Кассе

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИУДЫ

Sophie C

Этьен Кассе
Евангелие от Иуды
Серия «Лабиринты истины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180663
Евангелие от Иуды: Вектор; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-9684-0460-4

Аннотация

Мы предлагаем вашему вниманию очередную книгу Этьена Кассе, посвященную расследованию нового попавшего в руки историков-мидиевистов артефакта – так называемого «Евангелия от Иуды». Сообщения о том, что найден новый текст, расшифровав который можно будет ответить на многие вопросы библейской и церковной истории, взбудоражили весь научный мир и простых обывателей, которые привыкли к тому, что Иуде в Писании отводится определенная роль, а его поцелуй стал метафорой изысканного вероломства. Не удивительно, что данная информация заинтересовала и охотника за сенсациями и мастера журналистского расследования Кассе.

Результатом его работы стала новая книга, представляющая собой своеобразный отчет об очередных изысканиях автора и его друзей в области библеистики. Надеемся, что предложенная вам новинка не разочарует вас и в очередной раз заставит задуматься о том, так ли уж неизбежен тот устоявшийся мир, в котором мы по каким-то соображениям предпочитаем жить, не пересматривая его. Может быть, имеет смысл, как Кассе, не принимать на веру никакой информации, все подвергать сомнению и в конечном итоге строить собственную картину мира?

Содержание

Предисловие от редакции	4
Предисловие Этьена Кассе к французскому изданию	6
Предисловие Этьена Кассе к русскому изданию	9
Часть 1	11
Мы теперь не просто сброд, вот!	11
Раз пошли на дело...	15
О коптах, гностиках и Шенуде	20
Предчувствие Иуды	24
Тяжелый рок – тяжелый рок	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Этьен Кассе

Евангелие от Иуды

Предисловие от редакции

Имя французского журналиста Этьена Кассе уже достаточно хорошо известно в России. Его скандальные расследования, рискованные репортажи, заключения на грани фола снискали ему лавры сродни лаврам Дэна Брауна – в особенности после публикации книги «Ключ Соломона». Издательством «Вектор» заключен эксклюзивный договор с Кассе на публикацию его произведений в нашей стране; именно благодаря нашим стараниям, самоотверженной деятельности наших переводчиков и редакторов все новинки автора становятся доступны отечественной читательской аудитории буквально с пылу с жару.

Президент международной лиги независимых журналистов Айрис Либерстоун отзывается о книгах Кассе так:

Что привлекает в Кассе? В первую очередь, смелость и дерзость при освещении проблем, о которых принято высказываться с набившими оскомину почтением и придыханием. У этого парня четко выраженная жизненная позиция, которая сквозит во всех его работах. Они могут быть более или менее удачными, Этьену свойственно ошибаться, как и каждому живому человеку. Это нормально, не ошибается только тот, кто отсиживается и отмалчивается, не пытаясь продемонстрировать свое видение той или иной проблемы.

К сожалению, среди журналистской братии конформизм и работа в определенной заданной парадигме – далеко не редкое явление. Этьен бескомпромиссен и неподкупен – это его вторая отличительная особенность. Естественно, его книги приносят ему неплохие гонорары. Естественно, он не работает бесплатно. Но его точка зрения никем не ангажирована; согласитесь, сегодня непроплаченный писак, который дерзает говорить то, что думает по всем вопросам, – явление практически эксклюзивное. В-третьих, это дьявольски успешный и талантливый сукин сын, у которого прямо-таки какое-то сумасшедшее чутье на скандальные темы и разбирательства. Иному журналисте и за всю жизнь не ввязаться в столько авантур, во сколько Кассе сумел влипнуть в свой тридцатник с небольшим.

Лично я его очень люблю: он славный малый, его работоспособности может позавидовать кто угодно. Только идиоты могут думать, что кому-то удача сама идет в руки. Без везения, конечно, далеко не уедешь, это факт. Но, с другой стороны, человек должен быть настоящим фанатом своего дела, чтобы прокручивать такие штуки, которые прокручивает Кассе; он должен работать не на деньги, а на результат, идя на любые жертвы, пускаясь во все тяжкие, бесконечно рискуя... и в конечном итоге выигрывая. Он настоящий трудоголик, он по-хорошему одержимый, сумасшедший, который вживается в каждую свою идею и живет в ее пространстве до тех пор, пока не исчерпает тему.

Этьен Кассе – представитель профессиональной журналистской элиты, перед которым я и мои коллеги почтительно снимаем шляпы. Кассе – это бренд, Кассе – это гарантия качества, Кассе – это точное указание на то, что тебе снова улыбнулась удача погрузиться в мир безумного журналистского расследования. И еще – он всегда ироничен, не относится к себе как к истине в последней инстанции, полон чувства юмора и кипучей жизненной энергии, которой буквально заражает своих читателей. Кассе – это человек-зажигалка, человек-фейерверк; им невозможно не восхищаться; невозможно не заразиться его идеями, его искрометным оптимизмом, его неутомимостью.

Итак, мы предлагаем вашему вниманию очередную книгу Этьена Кассе,¹ посвященную расследованию нового попавшего в руки историков-мидиевистов артефакта – так называемого *Евангелия от Иуды*. Сообщения о том, что найден новый текст, расшифровав который можно будет ответить на многие вопросы библейской и церковной истории, взбудоражили весь научный мир и простых обывателей, которые привыкли к тому, что Иуде в Писании отводится определенная роль, его поцелуй стал метафорой изысканного вероломства и т. д. Не удивительно, что данная информация заинтересовала и охотника за сенсациями и мастера журналистского расследования Кассе. Результатом его работы стала новая книга, представляющая собой своеобразный отчет об очередных изысканиях автора и его друзей в области библеистики. Надеемся, что предложенная вам новинка не разочарует вас и в очередной раз заставит задуматься о том, так ли уж неизбежен тот устоявшийся мир, в котором мы по каким-то соображениям предпочитаем жить, не пересматривая его. Может быть, имеет смысл, как Кассе, не принимать на веру никакой информации, все подвергать сомнению и в конечном итоге строить собственную картину мира?

Думаем, каждый из вас, наших читателей, возьмет от данной книги то, что ему понадобится. Кому-то будет просто любопытно почитать о новых похождениях шайки оторванного журналиста,² кого-то привлекут исторические экскурсы и публикация уникальных материалов, а кто-то не по-детски задумается, возможно, о системе своих ценностей, возвращенной на традиционной парадигме. Нам кажется, что любое прочтение имеет право на существование. Оставайтесь с нами, и мы еще не единожды порадуем вас своими публикациями.

¹ Первые три: «Леонардо да Винчи: второе пришествие», «Ключ Соломона. Код мирового господства», «Фальсифицированная история» – выпущены нашим издательством в 2006 г. – Прим. редакции.

² Как вы узнаете из книги, Кассе открыл агентство журналистских расследований и теперь работает над своими сюжетами не один. Если раньше ему просто помогали друзья и сочувствующие, то теперь все проблемы изначально решает компания профессионалов, дело жизни которых – раскапывание сенсаций, выявление аутентичности данных и т. п. – Прим. редакции.

Предисловие Этьена Кассе к французскому изданию

*Солнце мне светит в спину, а впереди дорога:
Я уйду из дому туда, где темнота.
Я знаю слишком много, чтобы поверить в Бога,
Я знаю слишком мало, чтоб повернуть назад...*

С. Ларионов. Проект «Я Иуда»

Я закрыл последнюю страницу своего очередного опуса. И открыл его сразу снова, потому что вспомнил, что надо же написать к нему предисловие. Не хочется говорить каких-то банальностей. Надеюсь, что не разочаровал вас и вы не пожалеете, что отдали свои кровные денежки за мою книжку. Я писал ее, потому что мне хотелось рассказать миру об очередной серии важных для меня открытий. Думаю, они важны и для всех вас, для всех, кто вобрал в себя с детства определенную парадигму этических, социальных и прочих норм. В этот раз вы не найдете на страницах моей книги обилия сенсационных разоблачений, я не попытаюсь назвать по имени некоего метафорического врага, который прибегнул к серии инсинуаций, чтобы задурить головы миллионам и миллионам таких, как мы. Несомненно одно – существует некая традиция, имеющая вид традиционных же заблуждений, мы все живем в ее рамках. Считается, что критиковать ее и пытаться ревизировать – плохо, потому что так жили наши деды и прадеды, в общем, поколения наших пращуров, и вроде бы святотатственно пытаться ставить под сомнение правильность их убеждений. Но, с другой стороны, мы же не считаем святотатством того, что весь мир перешел на компьютеры в то время, как наши предки обходились логарифмическими линейками да пишущими машинками? Получается, технический прогресс приветствуется, изменения в образе мышления – нет. Принято считать особой доблестью незыблемость взглядов, какими бы алогичными и допотопными они ни были. Думайте сами, кому и зачем нужно держать нас в постоянном невежестве. Для меня все очевидно: власть одних зиждется на невежестве других; алогизмы и галимые глупости – повод утверждать избранность тех, кто в них якобы разбирается.

Только что во всем мире прошла премьера пресловутого «Кода да Винчи». Церковники всех мастей и конфессий дружно сомкнули свои ряды, чтобы противостоять распространению ереси в массах. Хотя, если разобраться, что уж во всем этом такого еретического? Просто попытка срубить денег на распиаренной, впрочем, совершенно беззубой работе Брауна: человек просто бросил пробный камушек – ребята, давайте немножко, совсем немножко задумаемся о том, что нам втюхивают под маркой истины в последней инстанции. И понеслась душа в рай! И это без попыток докопаться до каких-то корней, истоков лжи, возведенной в ранг священной коровы, – чтобы никто на нее не покушался и не мог даже близко подойти со своими вопросами, ответы на которые неизбежно будут расценены как попытка покушения на власть носителей вечной истины. Не понимаешь чего-то – дурак, что-то кажется нелогичным и глупым – дурак, неуч, сомнения одолели – кайся и более не сомневайся. Красивые идеалы, красивая схема, не так ли? А что понимают *они*? Какова степень *их* образованности? *Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда, и это всегда будет, потому что так было всегда* – не правда ли, железная логика? Сюда остается добавить только *кто не с нами, тот против нас*. И вспомнить мрачные времена Средневековья с его охотой на ведьм, а заодно и нацистскую идеологию, и сталинские лагеря...

Однако, что называется, ближе к делу. Из этой книги вы узнаете о том, кто такой на самом деле был Иуда Искариот, в каких он находился отношениях с Иисусом Христом, какие есть источники для реконструкции его биографии. Изучая соответствующие материалы, мы

пришли к выводу, что вера (пожалуй, что любая, но в частности – христианская) имеет несколько ипостасей: властную, подчиненную, отстраненно-романтическую. Так вот, если Церковь олицетворяет собой начало властное и преследует цель сосредоточить в своих руках бразды правления всеми общественными процессами, а также стать мощнейшим финансовым организмом, то верующие – начало подчиненное, они ищут милости со стороны Церкви, подчиняясь ей, осуществляя ритуальные действия, производя пожертвования. Третье же начало – изначально высокодуховное, не приемлющее коммерциализации таких категорий, как убеждения, любовь, вера. Это те, кто, храня Бога в душе и будучи посвященными в великие тайны, не хотят ни под каким видом сообщаться с Церковью – ни служить в ней, считая это глубоко аморальным, ни быть ее прихожанами, полагая, что это сушая глупость. И вот олицетворением третьего начала, его альфой и омегой, его символом, его духом и именем, если хотите – проводником истинных идей бескорыстной любви, непредвзятой веры, сопереживания и соучастия – явился и является Иуда Искариот, которого в течение уже почти 2-х тысячелетий яростно клянут невежественные церковники.

Можно ли служить Церкви и вместе с тем быть носителем идеалов гуманности? Это очень сложный вопрос. Полагаю, на него может для себя ответить только каждый человек в частном порядке. Я считаю, что это ситуация практически непроходимая. Почему? Потому что Церковь – в первую очередь структура властная и коммерческая, а власть и деньги всегда находятся в боевой готовности дать отпор любому, кто посягнет на их могущество. Гуманность и любовь же – это другое, во всяком случае, для меня. Впрочем, в христианстве есть много хорошего – в первую очередь, его идеалы. Да и надо воздать ему должное за то, что оно на протяжении многих веков упорядочивало сознание людей, помогало структурировать их знания.

Вернемся к Иуде. Конечно же, пресловутое *Евангелие от Иуды*, чистокровная подделка, не является той отправной точкой, которая заставила нас по-новому взглянуть на всю новозаветную историю. Звон вокруг данного документа – вообще смешное, курьезное недоразумение, вызванное во-первых, во-вторых и в-третьих тоже невежеством и неосведомленностью в вопросах библеистики тех, кто взялся его пиарить. Полагаю, что всем очевидна нарочитость шумихи, раздутой вокруг сенсационной находки *Евангелия от Иуды*. Впрочем, этой теме в книге отведена специальная главка – всем сестрам по серьгам, в конце концов, ведь уж больно намозолила всем глаза вся эта околесица. А вообще я придерживаюсь на это все такой точки зрения: мы все стоим на твердой земле и – кто подспудно, а кто и совершенно осознанно – отдаем себе отчет в том, что

раскрутить можно любой, даже самый дохлый сюжет; любой сказке можно придать статус легенды; потому на веру нет смысла принимать ничего – если только перед тобой не стоит задача прикинуться (и быть) обманутым.

Итак, мы прорыли огромное количество документов, из которых извлекли чертову порцию информации. С выжимками ее сейчас я вас и познакомлю – так сказать, выношу на ваш суд и обсуждение те выводы, к которым мы пришли.

Всем нам бывает тяжело отказываться от архетипов собственного сознания. Например, нам бы предложили с завтрашнего дня считать черное белым, горькое – сладким и наоборот. Мы бы почувствовали дискомфорт и недоумение, были бы сбиты с толку, не правда ли?

Мне же пришлось произвести ревизию в области своих моральных воззрений, пересмотреть свою позицию по отношению к вопросам «что такое хорошо и что такое плохо».³

³ Такую формулировку в свое время дал миру любопытный русский поэт начала XX в. Владимир Маяковский. Мне нравится прямолинейность суждений, которые Маяковский протаскивает в своих агитках. Впрочем, этот представитель русского модернизма, примкнувший из конъюнктурных соображений к коммунистам, установившим в России красный террор, вряд ли испытывал когда-либо необходимость в этической оценке происходящего. Для него, однозначно, «хорошо»

Ну что ж, можно сказать, что я еще немного подрос над собой, отправив в чулан еще одни розовые очки. Ощущения при этом двойственные – с одной стороны, закономерная гордость собой и эйфория, обычные спутники столь явной удачи; с другой – дьявольская усталость, опустошенность, ностальгия. Как прекрасна детская наивность и неискушенность, как тягостна взрослая ответственность и рациональность!

Конечно, в каждом из нас живет ребенок, только вот проявляет он себя по-разному. Кому-то удастся на протяжении всей жизни сохранять детскую свежесть восприятия, восторг от взаимодействия с миром – и это здорово, что уж тут говорить. А другие остаются детски бездумными и инфантильными вплоть до старости – в этом уже, как кажется, ничего хорошего нет.

И именно в этой связи я призываю в первую очередь себя и во вторую – всех вас: будем как взрослые, а не как глупые, капризные, избалованные дети; будем критически мыслить, будем оспаривать очевидные бредни, не дадим разводиться себе кому бы то ни было, какими бы прописными истинами он ни прикрывался. Обман всегда рядится в исключительно целомудренные одежды и приходит под маской благонамеренности и бессребреничества, на то он и обман. В противном случае, если бы он себе на шею повесил табличку «Наглая ложь и инсинуации», он лишил бы себя шансов быть принятым на веру. Так что приходится в очередной раз подтвердить, что требуется постоянно держать ухо востро, как бы ни хотелось во что-то поверить. Но какой все-таки сволочью время от времени чувствуешь себя при этом! А как тяжело, оказывается, грести против течения! А сколько мужества нужно, чтобы прокричать из толпы: «А король-то голый!».

В общем, вам решать, молодцы Кассе и компания или законченные подонки. Нам важна ваша оценка. Но не настолько, чтобы в случае, если она окажется отрицательной, бросить свои изыскания к чертям собачьим и отказаться от своих нынешних взглядов. Копали, копаем и копать будем; ранее я развенчивал прописные истины практически в одиночку, теперь у меня появились не просто союзники, а коллеги, на которых я рассчитываю фактически как сам на себя; мы будем развенчивать очевидные нелепости дальше – таково наше кредо.

Собственно, думаю, за это вы меня всегда и ценили, а теперь по достоинству оцените целую команду, расследование которой не может не вызвать у вас интереса. Появятся какие-то мысли по поводу прочитанного – пишите нам. Думаю, еще увидимся, и не один раз.

Этьен Кассе

Май 2006, Бордо

Предисловие Этьена Кассе к русскому изданию

Я очень рад новой встрече с вами, дорогие русские читатели! Россия – удивительная страна, наделенная исключительной харизмой; вам, русским, от природы дана такая интуиция, которая совершенно не свойственна представителям старушки-Европы, тем более – американцам, верхом креатива которых является изобретение фаст-фуда да местечковая философия Карнеги, учившего своих соотечественников так и сяк манипулировать сознанием своих ближних, да чего греха таить – и собственным тоже.⁴ Именно русским Л. Андрееву и А. Лозине-Лозинскому пришло в голову попытаться переставить акценты в евангельской истории и предложить альтернативные интерпретации личности Иуды и его причастности к смерти Христа. Это было на заре XX века. И только столетие спустя, найдя фрагменты *Евангелия от Иуды* и потрясая ими, доблестные американцы и европейские научные мужи и жены начали вещать о том, что не худо бы мол и пересмотреть традиционную концепцию предательства. Любопытно как получается: одни бегут впереди паровоза,⁵ ловя какие-то идеи чуть ли не из воздуха, а другие – вечные тугодумы, на которых откровение снисходит... 20 лет спустя (да 20 лет еще хорошо, в нашем случае мы имеем дело с запаздыванием на целый век).

Я всегда с трепетом относился ко всему русскому, для меня ветер перемен, малейшее его дуновение ассоциируется с тем, что «там русский дух, там Русью пахнет», как говорил ваш несравненный Пушкин. Русские – прирожденные бунтари, ниспровергатели устоев, которым не живется в старой скорлупе, вот они и норовят постоянно от нее избавиться. В этом плане *по духу* я тоже русский, не живется мне спокойной, размеренной жизнью; не имею я склонности к рациональному, прагматичному и уравновешенному мышлению. Может быть, я – *самый русский на свете француз*; хотя наши нации, конечно же, генетически близки: если Франция – родина первой революции, то Россия – колыбель мирового революционного процесса, разнесшего в XX веке в щепки старый мир.

Как бы то ни было, эту свою книгу я посвящаю России, всем русским, а в первую очередь – памяти русских писателей Андреева и Лозины-Лозинского, которые предвосхитили в своем творчестве важнейший, как мне думается, парадигматический перелом III тысячелетия.⁶

Да здравствует незашоренность нашего сознания! Да здравствует человек как открытая система! И еще: *я русский бы выучил только за то, что на нем говорили и писали Андреев и Лозина-Лозинский!*⁷

⁴ Кассе, как и многие французы, да и большинство европейцев, не жалуется представителей Соединенных Штатов. Кто знает, чем вызвана такая позиция, но она сложилась исторически и с течением времени стала традиционной. Во Франции презрительно отзываться о янки – хороший тон. Отсюда и многочисленные анекдоты о тупоумии американцев, имеющие транснациональное хождение и бытование. – Прим. редакции.

⁵ Мы приносим искреннюю благодарность нашим переводчикам за то, что они, переводя нелегкий, насыщенный идиомами и сленговыми выражениями текст Кассе, сделали все возможное, чтобы передать его колорит. Они тщательно подбирали соответствующие аналогии в русских конструкциях, проделали кропотливейшую работу и представили нам не подстрочник (что часто случается, если переводчик ограничен сроками и не считает нужным выкладываться на данном тексте), но полноценный художественный перевод. Спасибо вам, И.Перфильева и Э.Янкина, творческих успехов и всего самого доброго. – Прим. редакции.

⁶ Обращаем ваше внимание, что названия многих главок в новой книге Кассе перекликаются со строчками русских песен, стихов и т. д., кроме того автор постоянно отсылает своих читателей к творчеству Пушкина, Маяковского, других русских поэтов. Естественно, использование ассоциативных рядов и прямой цитации русских источников – отнюдь не случайность, ведь Кассе посвятил данную свою книгу России. – Прим. редакции.

⁷ Вы узнали перефразированную мною строчку все из того же Маяковского? У него в конце был Ленин; как иначе – Маяковский был все-таки придворным поэтом революции. – Прим. автора. Этьен Кассе неплохо знает русский язык; он даже несколько лет прожил в России, так что его утверждения о том, что он самый русский француз весьма небезоснова-

Часть 1

Как все начиналось

Мы теперь не просто сброд, вот!

Всем на свете известно, что я журналист. Всем на свете известно и то, что у представителей одной профессии бывает ярко выражено чувство локтя, они соблюдают правила корпоративной этики и т. д. Это, наверное, и в самом деле так, но из каждого правила бывают исключения и, как говорится, в семье не без урода. У собратьев по перу нет ни стыда, ни совести, уж не говоря о корпоративной этике. В чем это выражается? Они друг у друга норовят умыкнуть самые интересные и злободневные темы, завидуют чужим успеху и гонорарам, перехватывают у знакомых и ближайших друзей выгодные заказы. И ничего с этим не сделаешь, таковы правила жанра: «то я, то меня, то я, то меня».

В принципе, я к этим штукам уже привык и давно на них не реагирую. Но, тем не менее, несмотря на мои вроде бы крепкие нервы и невозмутимость, прошлой осенью я был просто огорошен одной статьей про себя (я же теперь культовая фигура, у меня берут интервью, я провожу пресс-конференции, обо мне все, кому не лень, тискают статьи). О ней я скажу чуть-чуть позже. Пока же должен вас предупредить о следующем. Не верьте измышлениям газетчиков, что я...

- ...гей. Я натурал, и этим все сказано, можете поинтересоваться у Софи, например.

- ...состою на службе: а) ЦРУ; б) ФСБ; в) Алькаиды и т. д. Все это фигня, я независимый журналист, ни с какими силовыми структурами в жизни не завязывался и люблю по их поводу приговаривать: «минуй нас пуще всех невзгод на свете и барский гнев, и барская любовь» (вы узнали Пушкина?).

- ...член масонского ордена. Полная ерунда, чего бы ради я занимался в противном случае разоблачением всяких дел и делишек поганцев-масонов?

- ...сатанист. Ничего подобного – я христианин по крещению, ну а если разобраться с моей верой, то теперь с ней вообще все не особенно ясно. В какой-то момент я на полном серьезе примерял на себя гностические знания и полагал, что потаенная гностическая религия – это как раз мое. Однако (и вы в скором времени в этом убедитесь) в жизни моей произошел ряд событий, которые заставили меня усомниться во многих вещах, в том числе и в основах своей философской системы, в представлениях о добре и зле и т. п. И, конечно, навести ревизию в своих отношениях с Богом. Я не знаю, кто Он, я не знаю, какой Он, но точно уверен в двух моментах. Во-первых, Бог не нуждается в деньгах и пиаре, Он самодостаточен и Ему вполне хватает осознания собственного величия. Если Он другой (но я сомневаюсь в том, что Он другой), тогда Он превращается в отороженного братка, который во что бы то ни стало пыжится показать, что он тут и вообще везде самый главный – и тогда Он не нужен, по крайней мере мне. А во-вторых, к чему к чему, а вот к культу Сатаны я никогда никакого отношения не имел и не имею, могу соотнестись с его адептами в случае необходимости (в интересах очередного расследования) – не более.

- ...вымышленное лицо. Достаточно трудно оспаривать этот пункт; я есть, просто я есть. Как римляне говорили: ego sum.

- ...съеден крокодилом, погиб в автокатастрофе, умер при загадочных обстоятельствах. Да нет, пока Бог миловал, живу и надеюсь посвятить этому утомительному занятию еще лет 50 по меньшей мере.

•...провокатор. Интересно, кого и на что я спровоцировал? И что мне было за это? Провокатор же всегда имеет какие-то дивиденды с того, что он делает, не правда ли?

•...просто шут гороховый, за словами которого не стоит ровным счетом ничего. Вам судить, настолько ли легковесны мои книги и прочие публикации; могу сказать одно: их читают, кому-то они открывают глаза на истину. Впрочем, если кого-то даже просто развлекут мои писания, уже хорошо.

•...фигура виртуальная, а на самом деле вместо меня пишут литературные рабы. Могу сказать на это только одно: я есть, я сам пишу о своих расследованиях, мне не требуются никакие литературные рабы, потому что сам я акула пера, причем акула весьма зубастая, лучше мне в пасть не попадаться никому, заглотну и не подавлюсь.

А теперь об окончательно доставшей меня публикации (она была подписана именем Патрисии Каас; интересно, с какого такого перепугу мадмуазель блюз решила заняться моей скромной персоной – вроде бы наведение подобных теней на плетень не ее специфика?). Вот выдержки из сакраментальной статьи:

Невежественный и наглый, как паровоз, бумагомарака Кассе с сомнительным сбродом постоянно ищет себе на голову, вероятно, по пьяному делу или укуру, всякие идиотские приключения... То его занесет в Египет к пирамидам и там он начнет проливать крокодиловы слезы по безвременно почившим своим поделщикам, то черти ему щекочут пятки и он не может сидеть на месте и все рыщет чуть не по всей Европе, и по всей Европе горят частные библиотеки после его отвязных посещений... Нахальные и аморальные спутники Кассе составляют ему достойную компанию. Все они не имеют никакого представления о человеческой этике, нечистоплотны в самом широком смысле этого слова, неразборчивы в своих средствах. Под кого они копают, надо разбираться в каждом конкретном случае. Несомненно одно: они выступают подлыми возмутителями общественного спокойствия, они лживы и продажны, все их материалы пишутся под заказ, они обладают чуть ли не колдовской силой убеждения... Кассе – безусловно, вожак банды, задача которой – во что бы то ни стало расшатать устои нашего общества... Эти люди не останавливаются ни перед чем, чтобы выпятить свое эго. Они стараются быть постоянно на виду, они популяризируют свои похождения, они издеваются над святым и тем легко срывают одобрение у плебеев и пролетариев, с удовольствием читающих весь этот бред, который Кассе щедро выливает на бумагу.

Короче говоря, статья вышла, и Софи приволокла мне грязную газетенку, которая все это опубликовала. Мы сидели и курили, на душе было погано, как будто туда испражнился сразу десяток кошек.

– А знаешь, – сказала Софи, – они, кто бы они ни были, толкают тебя на один шаг...

– Какой, Софи? – простонал я. – Уйти в монастырь? Принести публичное покаяние в мыслимых и немыслимых грехах? Что, с твоей точки зрения, они от меня хотят?

– Да плевать мне с высокой колокольни на то, что какие-то *они* хотят, чтоб их совсем разорвало... Но в том, что они написали, есть сермяжная истина, как ни крути!

– Ну надо же как интересно! И что же это за истина-то за такая, позвольте вас спросить? – я вложил в свой голос весь сарказм, на который только был способен.

– Не злись, на злых воду возят, – надулась было она. – А права эта статья в одном: ты не один, у тебя всегда есть приятели и сподвижники, которые с радостью вместе с тобой ввязываются во все твои авантюры.

– Ну да... – проворчал я, – это очевидно, только что из этого?

– А то, что пора все это организовать разумным образом!

Я лишился дара речи. Ну как в этой маленькой хорошенькой голове могла родиться столь разумная мысль? Ведь завести собственное агентство журналистских расследований – моя мечта, которой я никогда ни с кем не делился. Мне всегда казалось, что пока я не дозрел, не дорос до соответствующего уровня, я не решался зарегистрировать собственный проект, да много было всяких разных причин, чтобы все время откладывать свое начинание. А она взяла и все сказала вслух, и получается (и правильно получается), что надо создавать агентство немедленно! То есть этим надо было заняться еще вчера, но если вчера руки не дошли, в конце концов, можно и сегодня!

Я обхватил ее голову и посмотрел прямо в глаза:

– Слушай, Софи, ты ведь на самом деле гораздо умнее меня, правда? Ты ведь иногда просто притворяешься дуручкой, а на самом деле, наверное, просто меня терпишь, такого тормоза и тугодума, а?

– Да иди-ка ты к черту, – глаза ее смеялись, – отложим садо-мазо до постели. Давай-ка прикинем, что можем сделать сегодня и сейчас.

Естественно, мы прикинули, потом звонили по телефону. Потом сидели до 4 то ли ночи, то ли утра с Геной Таманцевым и Жераром Беко, пили красное вино пополам с водой и прикидывали, что мы можем. К 5 заснули, кое-как утолкавшись. На следующий день поднялись ближе к полудню, выпили 3 кофейника кофе и пошли регистрировать свое агентство.

Итак, нас пока 4 человека: я, генеральный директор и лицо компании; умница Софи, которая берет на себя обязанности секретаря, машинистки, а также креативщика и генератора идей, назначена директором по персоналу; в прошлом православный монах о. Геннадий, уже лет 10 как расстриженный, который будет ныне, присно и во веки веков выполнять у нас функции научного консультанта по всем вопросам, связанным с историей церкви и религий, а также финансового директора; Жерар, безбашенный малый, мой верный друг, который готов лезть хоть на рожон, хоть в геенну огненную, когда бьют своих, на которого всегда можно положиться и оптимистичный настрой которого всегда настраивает его окружение на соответствующий лад, по совместительству же наш PR-директор.⁸

Отнюдь не уважаемая мною и всеми нами Патрисия Каас, или как вас там, горе-автор пасквиля на меня и моих товарищей, мы теперь не просто сброд, вот! Мы – агентство журналистских расследований **СофиТ**. С названием мы, как водится, бились более всего, получалась какая-то хрень типа КАКК (Креативное Агенство Кассе и Компания), ЖеСТКА (Жерар Софи Таманцев Кассе Агентство), БеТа—СоК (Беко Таманцев Софи Кассе) и пр. В конце концов остановились на **СофиТе**, что означает «Софи и товарищи», а параллельно вмещает в себя кучу всяких смыслов:

- Во-первых, мы все-таки французская компания, а во Франции почитать дам принято, потому имя единственной нашей дамы, так сказать, нашей музы, и отражено в названии агентства.

- Во-вторых, само слово *софия* (от которого произведено имя Софи) в переводе с греческого означает *премудрость*.⁹ Согласитесь, что, занимаясь расследованиями, мы обязаны проявлять если не *пре-*, то хотя бы просто мудрость.

- В-третьих, софит – прибор для яркого направленного освещения. Ясно, что, затеявая журналистские расследования, мы собираемся освещать те или иные спорные вопросы.

⁸ Мы были безумно рады, что так хорошо разобрались: каждый какой-нибудь директор, так что фактически сам себе начальник и – заодно – подчиненный (ввиду малочисленности кадрового состава агентства). Приятно иметь дело не абы с кем, а с директорами, они люди ответственные, разумные и во всех отношениях положительные. – Прим. автора.

⁹ А в коптской философии, как вы скоро узнаете, софия – вообще основополагающая субстанция, которой принадлежит авторство идеологии нашего мира; она отвечает за его основную, духовно-ментальную составляющую. См. об этом ниже. – Прим. автора.

В принципе, нам хватило и этих обоснований, чтобы зарегистрировать агентство под данным именем; если же вы усмотрите что еще в названии **СофиТ**, можете поделиться с нами своими креативными идеями. Наверняка, попадете пальцем в небо. Практика показывает, что так всегда и бывает.

Раз пошли на дело...

Итак, **СофиТ** был создан (*агентство СофиТ было создано*), Жерар начал нас пиарить, мы ждали первых заказов. Они не заставили себя ждать. Такое ощущение, что кто-то чуть ли не свечку держал, когда мы свой креатив вырабатывали, потому что буквально на следующий день после регистрации нам позвонили. Трубку сняла Софи, на другом конце ей ответила женщина:

– Агентство «СофиТ»?

– Да, добрый день... – Софи была озадачена и стала строить мне всякие разные рожи и пальцем показывать на трубку, которую не переставала держать у уха. Я в этот момент брился и не очень был рад ее вторжению в ванную.

– Сюзан Герштейн, секретарь фонда «Возвращение». Вице-президент фонда Ричард Блейк желает встретиться с вашим шефом, господином Кассе, если я не ошибаюсь.

– Минуточку, – Софи справилась с ситуацией. – Я возьму ежедневник. Так, он освобождается сегодня к четырем. (Молодец, девочка, надувает щеки как может, чем это, интересно, я так смертельно занят до четырех? Ясно, она набивает нам цену, вот я и говорю: молодец девочка!) Значит, сможет встретиться с господином Блейком в пять. Пожалуйста, записывайте адрес... Нет, наше правило – устраивать встречи на нейтральной территории. Итак...

Я включил воду, чтобы наконец смыть с себя пену. Очень интересно, кто-то уже знает о нас и, похоже, готов сделать нам заказ. Ну что ж... Во всяком случае, скучать не будем.

При выходе из ванной на меня прыгнула Софи. Она выглядела возбужденной:

– Нет, ты только прикинь! У нас уже появился потенциальный клиент! Ты только прикинь, какой-то Ричард Блейк, сегодня мы с ним встречаемся!

– Что значит – *мы*? – С женщинами следует постоянно держаться начеку, иначе они сядут тебе на шею и начнут болтать своими изящными ножками, а ты превратишься в их скаковую лошадку. Не слишком отрадная перспектива. Женщина должна знать свое место. Все должны знать свое место.

– Я и ты, дурачок!.. – Ах Софи, спасибо тебе большое и низкий тебе поклон за то, что ты берешь меня с собой на эту, возможно, судьбоносную встречу.

– Софи, мне очень жаль, но это невозможно! Мы не можем идти вместе, потому что ты должна сидеть на телефоне! Иначе мы можем упустить кого-то очень интересного! Ты же директор, должна понимать, – я придал своему голосу всю возможную вкрадчивость и мягкость.

– Эх, надо было дать в объяве номер твоего сотового... – Софи явно огорчилась. Ничего, то ли еще будет?

– Милая, это нереспектабельно и просто глупо: ведь звонить по официально опубликованному телефону может кто угодно, зачем нам такие напряжения...

– Ну тогда моего! Или Генкиного, или Жерарова! Но какого черта я тут должна высиживать, когда ты будешь таскаться по всему городу, со всеми знакомиться и тереть? Почему я должна тут сидеть как пришитая? – И в этом она вся. Иногда мне кажется, что Софи – просто кладезь премудрости, но иногда она – скандальная дура, от которой хочется делать ноги с низкого старта. Вот и спрашивайте меня после этого, почему я не женат до сих пор. Да потому, что в жизни и без того хватает проблем. Любая, *любая* женщина норовит прилепиться к тебе как банный лист и начать тобой командовать, стоит тебе провести с ней хотя бы один вечер. А что, в таком случае, станет делать жена? Лучше об этом и вообще не думать. Ни к чему нормальному мужику все это. Постоянно ходить как по подиуму перед налоговым инспектором... Бррррррррр!

– Софи, сделай милость, кончай дебош, детка, – я говорил медленно, громко и отчетливо артикулируя. Авось поймет. – У каждого свое дело, каждый отвечает за свой фронт работ. Твое «хочу» выглядит детски безответственно. Ты нужна нам здесь, понимаешь?

– Это сексизм и дискриминация по половому признаку! – выпалила она. – Сидел бы сам со своими дружками на телефоне! А то если кого и запереть – то непременно женщину!

– Софи, а ты не припомнишь, про кого тебя спрашивал твой собеседник? А? Разве про тебя? А с кем господин Блейк собрался встречаться? Неужели с тобой?

– Это потому что мы написали, что ты генеральный директор! Вот если бы написали меня... – она осеклась, видимо, мой взгляд был очень выразителен.

Несмотря на вышеописанную типовую сцену у фонтана, в скором времени инцидент был, в принципе, исчерпан. Через некоторое время я согласился посидеть на телефоне, пока Софи наносит визит ближайшему супермаркету, чтобы закупить продукты к ужину, а по ее возвращении пошел на эту самую забитую по утрам стрелу. Слава Богу, никто больше губ не надувал: и Генка, и Жерар, оба оставшихся директора, были по горло заняты какими-то своими делами и не пытались лезть в мои.

Да, с женщинами иногда бывает сложновато. Впрочем, они потом искупают все причиненные ими неудобства. Вы спросите меня, как? А кто, интересно мне знать, варит кофе по утрам, вечерам и в любое время суток; кто говорит спокойно-непроницаемо: «Тебя, друг, занесло, остынь и подумай в голову», когда небо уже кажется в алмазах и до заветной цели остается последний шаг... с крыши 28-этажного нового дома на Рю Шартре; кто умильным голосом будет разговаривать по телефону с твоими кредиторами; кто отвадит других женщин, мечтающих вонзить свои остренькие коготки в твою по-детски наивную и невинную задницу? Короче, женщины нужны; их стоит держать в доме, потому что они дают кофе, сигареты, еду, приносят свежие газеты и бренди, преданны, местами умны и создают имидж респектабельности. Впрочем, неважно, тут дело совершенно не в женщинах и даже не в дорогой нашему сердцу Софи. Не о ней речь, хотя, конечно же, о ней можно было бы написать не один десяток книг... И читать их в сортире... Все-все-все, кончаю, заболтался, отвлекся, речь шла о набитой мне стреле.

... Я сел за столик в кафе *Меркурий* и заказал кофе и газету. Никто не спешил ко мне подсаживаться, так что я имел возможность насладиться чтением прессы. Впрочем, как выяснилось, газета была за прошлую неделю, и вообще ее до меня уже кто-то читал, потому что красным маркером в ней был выделен заголовок на 7-ой полосе. Я было решил возмутиться безобразием: мало того, что принесли черт знает какое старье, так еще и бывшее в употреблении. Однако на мой зов никто не пришел, и я от нечего делать вынужден был все-таки заняться чтением. Это была какая-то чепуховая вечерняя газетенка, впрочем, выделенный материал, в самом деле, заслуживал внимания:

СЕНСАЦИОННАЯ НАХОДКА

Время от времени история выплевывает на поверхность свои артефакты, ставя в тупик исследователей и заставляя человечество отказаться от устоявшихся мнений и суждений. Сейчас происходит что-то подобное: найден уникальный текст Евангелия от Иуды, написанный на саидском диалекте древнекоптского языка. Папирус, который датируется, предположительно, 6-м веком, сейчас исследуется учеными, текст на нем расшифровывается и восстанавливается. Состояние удивительной рукописи оставляет желать лучшего, поэтому, вероятно, далеко не весь текст, который когда-то был запечатлен на папирусе, удастся понять. Однако несомненно одно: в нем содержатся сведения, кардинально меняющие наши взгляды на Иуду, его взаимоотношения с Христом, а возможно, и на само Учение Спасителя. Из текста следует, что именно Иуда явился возлюбленным

учеником Иисуса, которому тот доверил свои самые сокровенные тайны; предательство же Иуды, видимо, собственно предательством не являлось, поскольку было инициировано... самим Христом.

В настоящее время специалисты в области коптского языка высказываются в том смысле, что Евангелие от Иуды нуждается в скрупулезном анализе и изучении. Необходимо, в первую очередь, разобраться, не фальсификат ли это. Если же выяснится, что древность аутентична, по всей видимости, человечеству придется пересмотреть очередную порцию своих убеждений. Впрочем, в последнее время мы только и занимаемся тем, что что-то ниспровергаем и рушим. Возможно, у нас развилась детская болезнь нигилизма?..

Далее шли расхожие рассуждения о том, в какую эпоху мы живем, как важно уметь отказаться от прежних ценностей, принять новые, не цепляться за прожитое и всякая прочая дребедень, по поводу которой каждый из нас, журналистов, рад порассуждать в любое время дня и ночи.

Я отложил газету и допил подостывший кофе. Наш потенциальный клиент все не шел, он опаздывал уже более чем на четверть часа. Я отвернулся к окну, по узенькому тротуару вышагивала девица, чьи ноги достигали в длину, полагаю, 1 м 15 см, и это без каблуков! Каблуки тоже были, вернее, платформы, еще сантиметров 15. На девице были бордовые кожаные шортики. С ума сойти, 130 см стройных ног, дефилирующих прямо против тебя за стеклом! А ты тут сидишь и ждешь неизвестно кого и читаешь допотопные газеты! Мне очень захотелось на волю, к этим ногам, но...

– Вы уже прочитали эту статью? – позади меня раздался давешний голос. Я повернулся и увидел ничем не примечательного дядьку лет 45–50, в мешковатом, но дорогом костюме, ботинках из кожи крокодила, каком-то умопомрачительном галстуке в огурцах и кремовой рубашке. На носу у пижона красовались довольно-таки сильные очки в золотой оправе, волосы как волосы, чуть волнистые, черные с проседью, усы щеточкой.

– А вы кто? – спросил я. – Тот самый господин Блейк, секретарша которого звонила моей секретарше сегодня с утра?

– Тот самый, тот самый, – он уселся напротив меня и посмотрел прямо мне в глаза.

– Вы опоздали... – начал было я, но он меня перебил:

– Нет-нет, как раз нет... Вы должны были прочитать статью, составить некое представление о проблеме, прежде чем мы с вами стали бы разговаривать, так что все как раз идет по плану...

– Может быть, по вашему, но не по моему, – буркнул я.

– Позвольте, – жестко парировал Блейк, – вы позиционируете себя как агентство исследований, пусть главным образом журналистских, но все же. Я ваш будущий клиент, значит, у нас с вами общие интересы. Не стоит нервничать и обижаться, господин Кассе, все в порядке, я хочу воспользоваться вашими услугами, точнее, услугами вашего агентства, я готов платить, так что никто вас не ущемляет...

– Вы должны понимать, – очень строго и серьезно заметил я, – что мы беремся лишь за те дела, которые представляют для нас не только практическую выгоду, но и интерес. Мы до некоторой степени художники в своем деле...

– Иначе я бы к вам и не обратился, – твердо ответил Блейк. – Для того чтобы заниматься предлагаемым мною делом, надо жить им. И иметь сумасшедшую пробивную силу. И хорошо разбираться в истории. И иметь вполне определенное представление о круговороте денег в финансовых кругах. И не бояться ни с кем поспорить. Короче говоря, быть вами, господин Кассе...

– Хорошо, давайте все-таки говорить по существу, – оборвал его я. Этот сукин сын то ли бессовестно льстил мне, то ли и в самом деле был обо мне очень и очень высокого мнения. Как бы то ни было, все-таки ему удалось расположить меня к себе. Даже если он безбожно льстил, он делал это с тем, чтобы произвести на меня благоприятное впечатление, понравиться мне. Пусть он делал это неуклюже, но радовало уже то, что он не расставляет пальцы, а пытается подстроиться. Впрочем, после шумихи, раздутой вокруг моего имени, гнуть передо мной пальцы стало совсем уж проблематично, это, действительно, так. И все-таки, все-таки...

– А по существу вы уже прочитали о проблеме, которая меня интересует, – Блейк кивнул на газету, – вам нужны какие-то уточнения? Задавайте вопросы.

– Вас интересует перевод Евангелия от Иуды? – удивился я.

– Да конечно, нет, – Блейк нетерпеливо прикурил от номерной золотой Zippo, украшенной несколькими бриллиантами. – Меня интересует даже не то, стоит ли покупать этот папирус. Очевидно, что стоит, коль скоро он в принципе существует, безотносительно его аутентичности. Это мелочи, главное – сам артефакт.

– Вам... предлагают его купить? – попытался уточнить я.

– Мы просто думаем, что стоит его купить, – поправил меня Блейк. – Если Евангелие подлинное, мы им непременно займемся, а нет – так оно нам не нужно.

– Простите, а кто это – *мы*?

– Читайте, что группа любителей древностей, интересы которой я представляю. Фонд «Возвращение». Впрочем, какая вам разница, дело иметь ведь придется только со мной. Вот вам моя визитная карточка...

Я посмотрел на кусочек картона, врученный мне первым заказчиком. Просто белая карточка, сверху какой-то странный орнамент, под ним – имя Ричард Блейк, указание на занимаемый пост – вице-президент фонда «Возвращение», 4 телефона и адрес электронной почты.

– Хорошо, господин Блейк, впрочем, я и не сомневался ни на минуту в вашей респектабельности. Но чего вы хотите от нас?

Блейк неопределенно, искоса посмотрел на меня, поправил свои золотые очки, слегка прокашлялся (было очевидно, что он волнуется) и сказал нечто, показавшееся мне на первый взгляд не особо вразумительным:

– Я хотел бы, господин Кассе, чтобы вы и ваше агентство помогли нам в поиске всех материалов, связанных с жизнью и деятельностью Иуды Искариота; так сказать, внесли свою лепту в составление полной его биографии...

– Но, господин Блейк, у нас агентство журналистских расследований, а вам, скорее всего, нужны специалисты в области Нового завета, историки и медиевисты, библеологи... Чем мы-то сможем быть вам полезны?

– Своей непредвзятостью и дерзостью. Все специалисты, которых вы только что упоминали, – заложники разных парадигм: парадигмы научного исследования, которое допускает только кристальную чистоту эксперимента и неременное следование всем канонам научного знания; парадигмы морали, которая регламентирует им не касаться «запретных» тем; парадигмы социальной, которая предписывает соблюдать субординацию, не портить отношений с властями предрержащими и пр. А журналистам, как говорится, закон не писан; кроме того, я слежу за вашими работами... Они мне в целом нравятся, хотя, друг мой, вас время от времени заносит на масонской тематике, впрочем, это достаточно безобидный ваш пунктик. В конце концов все мы имеем за душой нечто такое...

– Хорошо, я понял вас. Но снова повторяю: мы агентство журналистских расследований. Я так понимаю, вам нужен некий развернутый очерк, посвященный Иуде. Это не наш профиль...

– Простите, – в голосе Блейка зазвучала решительность, – нам нужно именно расследование, а никакой не очерк. Вы должны попытаться установить, в каких *реально* отношениях был Иуда с Христом, при каких обстоятельствах было замышлено и произошло так называемое *предательство*, что стало с Иудой далее.

– Я так понимаю, судя по вашему тону, у вас на этот счет есть некие соображения?

– Естественно. Однако нам важно, чтобы вы, господин Кассе, с вашими товарищами, раскрутили этот клубок самостоятельно – и поведали миру о своих открытиях.

– Я должен понимать ваше предложение таким образом, что вы пытаетесь за наш счет, пользуясь раскрученностью моего имени, протащить и популяризировать какие-то свои идеи?

– Да вовсе нет, – Блейк сделал останавливающий жест рукой. – Вы проводите независимую экспертизу и знакомите мир с ее результатами, если на выходе сочтете нужным. Фонд же обязуется взять на себя все финансовые вопросы, которые неизбежно возникнут в ходе ваших поисков. Вы согласны на это?

Я почувствовал, что передо мной снова встала альтернатива – ввязаться в нечто рискованное или отсидеться в своей уютной спокойной гавани. Сколько бы раз подобные вопросы ни вставали передо мной, я решал их на счет один: ввязываться. То же самое произошло и теперь.

– В таком случае, – подытожил Блейк, – составьте смету расходов, обсудите со своими компаньонами, сколько может стоить ваше расследование и скиньте мне информацию. Рад был познакомиться...

Он пожал мне руку и вышел из кафе. Я еще раз посмотрел на его визитку, потом засунул ее себе в карман, расплатился за кофе и отправился держать совет с прочими директорами своего агентства. В голове роились всякие вопросы, хотелось поскорее их обсудить с группой заинтересованных лиц.

Ну что ж, агентство СофиТ, с почином, с первым клиентом, лиха беда начало.

О коптах, гностиках и Шенуде

Итак, вечером мы держали совет. Я рассказал о своей встрече с Блейком, показал остальным директорам его визитку, изложил суть задания (во всяком случае, так, как я его понял). Жерар закурил и сладко потянулся:

– Ребята, я чувствовал, что все у нас пойдет – и очень быстро. Но не знал, что так быстро! Выходит, первое приключение на нашу задницу уже само нас нашло... И как ты думаешь, насколько платежеспособен этот твой Блейк?

– Да не в этом дело, – вмешался Гена. – Мне не очень ясно, чего он от нас хочет. Неужели самому так сложно, например, влезть в сеть и найти там любые материалы по Иуде? Зачем нанимать кого-то? Тем более, не просто человека, а агентство?

– Слушайте, а какая у него прикольная визитка! – радовалась Софи. – Глядите: тут и крестик, тут и гвоздики какие-то, интересно, что это такое, а?

– Это коптский крест, – ответил Гена, – по всей видимости, Блейк – представитель современных коптов, которые создали специальный фонд для поисков утраченных корней гностического знания... Возможно, все это делается даже под патронажем Шенуды III...

– Ты это о чем? – не поняла Софи. – Какие копты? Какое гностическое знание? И еще какой-то Шенуда!.. Ты вроде говоришь по-французски, но так, что ни слова не понять. Переведи для тупых и серых, сделай милость!

– Я слышал что-то о том, что гностики – они типа мистики... – пророкотал Жерар. – А копты – так это такие древние египтяне, которые писали на папирусах всякие двусмысленные тексты... Кстати, вроде бы это самое Евангелие от Иуды, по поводу которого сейчас звон стоит на каждом углу, как раз коптское. То есть они писали всякую фигню...

– А Шенуда этот дикий? – Софи любила, когда Жерар ей что-нибудь пояснял. Они весьма гармонично в эти моменты смотрелись: он – большой, умный и назидательный, она – беззащитная, подавленная величием его интеллекта, прямо посрамленная школьница. Но какую ахинею несли при этом! И как были друг другом довольны!

– Ну, Шенуда – это какой-то их древний шаман, не знаю...

– А как он тогда может что-то такое сегодня патронировать? – не унималась Софи.

– Да вот, надо у нашего отца-пустынника¹⁰ спросить, он же затеял эти разговоры про Шенуду, поди знает, что тут к чему...

Генка вопросительно посмотрел на меня. Он никогда не мог быстро сообразить, как воспринимать такого рода выпады. Сразу видно – выходец из научной среды, там ко всему привыкли относиться очень серьезно, кстати, и к себе любимым тоже. Все никак бедняга не переучится, хотя уже пора. Сто раз ему говорил: *лицо попроще сделай – и люди потянутся к тебе!*

– Правда уж, сказал *a*, говори теперь *b*. Ты у нас уполномоченный специалист по делам религии и атеизма, так что спой, светик, не стыдись, просим, нынче твоя лекция, – воззвал я к его эрудиции.

– ОК, – глаза Таманцева заблестели, его хлебом не корми, дай продемонстрировать свои познания. Впрочем, тут реально есть что продемонстрировать, ибо если в природе и существует где-то энциклопедия на ножках, то это как раз наш Геночка. – Буду краток. – Он с

¹⁰ Геннадий Таманцев – русский монах-расстрига, которого преследовала на родине Церковь за попытку публикации работы, посвященной новым материалам биографии Иисуса Христа. Новые источники Гена нашел во время работы над кандидатской диссертацией по древнерусской литературе. Пройдя через разнообразные приключения, Таманцев вместе со своими эксклюзивными наработками оказался в Париже. Он предоставил мне свои материалы для написания книги «Ключ Соломона». В настоящий момент готовит к изданию свою расширенную работу, которая, чуёт мое сердце, будет очередной бомбой, заложённой под твердыню канонического христианства. – Прим. автора.

места в карьер закосил под русского президента Путина, который прославился этим своим выражением и еще высказыванием о том, что террористов надо мочить в сортире, – дельный мужик, по всему виду, хотя я с ним лично не знаком. – Копты – христианское население Египта. Дело в том, что апостолы после распятия Христа разошлись проповедовать по разным городам и весям, ученик Петра Марк, он же евангелист, так сказать, получил назначение в Александрию, тогдашнюю столицу Египта (дело было в середине 1 в. н. э.), там и сеял разумное, доброе и вечное. Пока в 69 г. местные язычники не свели с ним счеты. Однако же его проповедь не прошла бесследно, христианство пустило корни в Египте. Тем более что Египет – своего рода вторая родина Христа, именно туда удрали от Ирода со своим младенцем Мария с Иосифом и прожили там 4 года.

– Постой, – у Жерара явно появились какие-то идеи насчет коптов, – раз копты – древние египтяне, так значит, они писали своими иероглифами? Как на всяких папирусах Тутанхомена? С глазками, птичками, еще всякими палочками и прочей ерундой? Коптский язык – это и есть древнеегипетский, да?

– Слушай, тупица, – не выдержал я, – какого черта христиане стали бы говорить на варварском языческом языке да еще использовать его письменность для запечатлевания своих боговдохновенных текстов? У них другой был язык, коптский.

– Ты сам тупица, – не выдержала Софи, – раз копты – египтяне, то и язык у них египетский. Логично? Логично! Что скажешь, профи? – обернулась она к Генке.

– Копты – они, конечно, египтяне, но не такие уж и древние, да и язык у них свой. Причем со специальным алфавитом, который составлен в основном на основе греческого. Но он появился не раньше III века... Во всяком случае, так датируются первые коптские памятники письменности.

– А раньше на каком говорили? – не унималась Софи. – Поди на египетском все-таки?

– Трудно сказать, – развел руками Геннадий, – может быть, на арамейском? Ведь Марк у них проповедовал и они как-то находили общий язык. Ничего путного сказать по этому поводу не могу...

– Я могу, – встрял я. – Хватит уже применять где надо и не надо свою сугубо научную методику. Если нет более ранней фиксации, это не значит, что не было языка. Чудо, что от III-го века что-то уцелело. Думаю, коптский язык появился вместе с христианством в Египте. Хотя самые древние рукописи на коптском – так называемые кодексы библиотеки Наг-Хаммади датируются не ранее III в. Но, скорее всего, это относительно поздние копии произведений, написанных в I–II вв.

– А ты-то откуда это знаешь? – Софи непритворно удивилась. – Вроде ж ты пока в гробницах этих коптов не копался, в пирамиды пытался лазать, да, но ты же сам говоришь, что копты и фараоны – две большие разницы...¹¹

– Имеющий глаза да видит, имеющий уши да слышит, – туманно и величественно произнес я. Софи задумалась, но ненадолго:

– Некоторые тоже имеют и глаза, и уши, однако же ничего не знают ни про каких коптов – в глаза их не видывали и слыхом о них ничего не слыхивали...

– Ну так значит, у них такие уши и глаза, что уж тут поделаешь...

– Да ладно вам препираться, – подал голос Жерар, – у нас еще на повестке дня два вопроса: гностики и *Зануда*.

– Сам ты *зануда*, – заржал Генка, наконец-то! Нечасто с ним это случается! – Балбес, я же говорил про *Шенуду III*, это коптский патриарх!

– А когда он помер-то?

¹¹ Уважаемый читатель! Наши переводчики очень старались сохранить живость языка Кассе, поэтому постоянно использовали русские эквиваленты французских сленговых выражений. Пусть вас это не сбивает с толку. – Прим. редакции.

– А кто тебе сказал, что он помер? – выпучил глаза Генка.

– Так ты и сказал, раз копты – древние египетские христиане, значит, они все померли в древности!

– Да ничего подобного я тебе не говорил, и вообще никому! Коптская церковь и сегодня – одна из официальных церквей в Египте, в котором христианство исповедуют до 10 % населения. Никто там не умер, все, слава Богу, живы, молятся, веруют, служат службы... У них главный, патриарший храм – святого Марка в Каире.

– Стоп, – уточнил Жерар, – раз у них патриарх, значит, они не католики?

– Весьма тонко подмечено! – снова заржал Генка. – Я же сказал: они копты. У них своя церковь, которая, кстати, ближе всего к Восточной, то есть к православной. Но реально никакая она не православная.

– Да ты бы газеты почитал, еще бы и не такое увидел, – хмыкнул я. – Прикинь, на прошлой неделе читаю: «В Египте найдены современные копты – последовали ранних христиан»! Типа их терял кто-то, а тут нашли вдруг!

– Ага, причем порядка 8 млн. человек, если не больше, с монастырями, церквями, патриархом и прочей атрибутикой, – покачал головой Таманцев. – Чудно, ничего не скажешь.

– Да это в русле безудержной шумихи, поднятой вокруг Евангелия от Иуды.

– Ну, по поводу этой хворобы каждый вообще высказывается в меру своего понимания проблемы. А поскольку никто ни черта не понимает, все и норовят побыстрее тиснуть в своих изданиях да в сети какую-нибудь благоглупость.

– А чего благоглупость-то? – прорезалась Софи, пришедшая с кухни с кофейником. – Кому чего плеснуть? Жерар, ты бренди будешь? – Нет, у этих двух точно намечались какие-то шашни. Да и пусть их, раз людей прет друг от друга, я, может, вообще уйду, не стану мешать их счастью, я такой, я гордый, я могу. – Этьен, давай сюда пепельницу, так и быть, свинтус, вынесу за тобой, но в последний раз! – Эх, ласковое слово и кошке приятно! Скажи еще что-нибудь такое же волшебное, сокровище мое: «Этьен, я постираю твой пуловер! Этьен, я почищу твои ботинки!! Этьен, мать твою, я тебе выжала апельсиновый сок, что же ты его не пьешь, тебе же так нужны витамины!!!».

– Да видишь ли, – Генка с удовольствием отхлебнул кофе из своей огромной чашки. Он терпеть не может мелких наперсточков, ему подавай всегда бадью, на меньшее он не согласен, – текст этого Евангелия явно гностический. А это значит, что... позднераннехристианский.

– Какой? – Софи снова округлила хорошенькие подведенные зеленым карандашиком глазки.

– Считаю, раннее христианство I–II вв. Ну а позднее раннее христианство, это ближе ко второй половине II в. Это как раз время разгула гностицизма...

– Так ты нам, ученая голова, все еще не сказал, кто такие эти твои гностики, – уточнил Жерар.

– Докладываю: гностики – христиане, которые, во-первых, считают безоговорочно первичным и единственно правильным началом в Христе и в человеке, соответственно, тоже – духовное, и с презрением относятся к миру материальному, например, к телесной оболочке. Во-вторых, они, действительно, мистики: у них такая развернутая картина сотворения мира, целостное представление о том, какое количество добрых и не очень добрых существ участвовало в его запуске... Классические христиане их считали еретиками, чуть ли не анафеме предавали. А возник гностицизм тоже в Александрии, то есть в Египте.

– И что, выходит, копты – гностики? – уточнила Софи.

– Нет, копты придерживались и придерживаются преимущественно ортодоксальных воззрений на Христа и на вопросы веры. У них есть свои нюансы. Поэтому они и выделены в отдельную конфессию, церковь. Однако нельзя ставить знак равенства между коптами и

гностиками. Хотя большинство апокрифических, гностических евангелий написано именно на коптском языке. В том числе и злосчастный Иуда...

– Да почему, почему он такой злосчастный?

– Потому что его пиарят непрофессионалы и у них получается все по-дурацки... Вот, тоже написали козлы какие-то: найдено пятое Евангелие... Да какое оно пятое? Может, тридцать пятое? Или семьдесят пятое?

– А что, их так много, Евангелий-то?

– Да как грязи. Такое ощущение, что каждый адепт христианства первых веков, который был обучен грамоте, своим долгом считал написать собственный текст. Ну, или, по крайней мере, через одного – через двух... – Генка допил свой кофе и взял лист бумаги. – Так, я вам рассказал про коптов, гностиков и Шенуду, теперь пора расписывать фронт работ. На старт, внимание, марш!..

Предчувствие Иуды

Ну вот, мы распределили обязанности. Ваш покорный слуга будет вести всяческие переговоры: с владельцами так называемого Евангелия от Иуды, чтобы они дали нам хоть одним глазком на него взглянуть; с фондом «Возвращение», чтобы он дал нам денежек на расследование; с разными организациями – архивами, книгохранилищами и т. д. и т. п.; и еще по возможности заниматься аналитикой, то есть делать выводы, ху из ху и что за чем стоит. А что касается собственно Евангелия от Иуды (ясно, что именно публикации о нем активизировали внимание фонда к проблематике странноватого и несчастного апостола), то, конечно, ясно как Божий день, что ничего в нем такого нет (в смысле – ничего особо заслуживающего внимания), но наш лидер от науки Гена Таманцев сказал, что, тем не менее, для чистоты эксперимента на него все-таки неплохо бы взглянуть. Собственно, мы от этого ничего не потеряем, просто убедимся в том, что и так навскидку понятно. И все-таки...

– Все-таки, – сказал Генка, – никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Если можно что-то посмотреть, надо это сделать. Всегда ведь существует гипотетическое «вдруг». Причем под ним может скрываться все, что угодно, любые сюрпризы, вообще все. Глупо говорить: «Я в глаза не видел этого текста и понятия не имею о том, что он собой представляет, но, тем не менее, заявляю, что он поддельный. Он не может быть истинным, потому что он не может быть истинным никогда». Гораздо круче сказать: «Мы его видели, читали. На основании нашего анализа папируса и почерка рукописи можно сделать вывод, что данный список документа, который в настоящее время принято называть *Евангелием от Иуды*, сделан не ранее... например, V века; на основании особенностей языка и некоторых мотивов, отчетливо прослеживаемых в тексте памятника, он может быть датирован концом I – началом II вв., но не ранее. Поэтому мы приходим к выводам, что: а) перед нами не исходный текст памятника, а его поздний список; б) первоначальный текст, с которого мог быть сделан данный список (или список, предшествующий данному), не дошедший до нас, мог быть составлен не ранее конца I в., а следовательно, не может принадлежать перу Иуды Искариота, которому его настойчиво атрибутируют нынешние хозяева».

После Генкиных слов в течение пары минут в комнате висела тишина, наконец не выдержала Софи:

– Слушай, скажи, только честно, откуда ты все это знаешь? Ты уже это Евангелие от Иуды видел? Ты его в руках держал? Может, ты его и пиарил?

– Да нет, я ничем таким не занимался и текста этого пока в глаза не видел, но надо бы на него посмотреть, – улыбнулся Гена.

– Но откуда же ты все это знаешь? – не унималась Софи.

– Научная методика, текстология, школа академика Лихачева, – развел руками Таманцев. – И похлеще клубки в свое время приходилось распутывать. Эка невидаль установить подлинность документа, когда есть возможность его в руках подержать. Совсем другое дело, если приходится работать с текстом гипотетическим, а нужно найти его автора, датировать произведение, прояснить в нем какие-то темные места... Ну вот как с тем же Словом о полку Игореве...

Я понял, что Таманцев оседлал свою любимую лошадку и собирается выступить перед восхищенной аудиторией с докладом по истории древнерусской письменности, а заодно и пересказать все теории относительно аутентичности/неаутентичности Слова. Я очень люблю Таманцева иной раз послушать, но всему должно быть место и время. Чувство меры, в принципе, тоже пока еще никому особо не мешало.

– Гена, – безапелляционно перебил я его, – а в данном-то случае что может быть? Вроде же ты все правильно вычислил с Евангелием, еще не видя его. Ты всерьез полагаешь, что есть какие-то нюансы?

– Да теоретически мы обязаны допускать вообще любой поворот событий. Вплоть до того, что перед нами окажется автограф самого Иуды Искариота. Бывает и такое тоже...

Софи вскрикнула, Жерар глуховато выругался.

– Но я полагаю, в этот раз все обойдется без неожиданностей. Очень уж все тут шито белыми нитками, очень уж хочется кому-то состричь купоны на представленной интерпретации памятника. Ничего, прорвемся... 99,9 процентов, что никакого автографа Иуды мы не обнаружим и вообще все это окажется жуткой лажей... Но смотреть все равно будем.

– Приятель, а ты прочитать-то этот текст сможешь? – резонно осведомился Жерар. – Он же на коптском языке написан, ты его знаешь? А в особенностях написания букв разного времени разбираешься? А папирус датировать сумеешь?

– Да нет, конечно, – Генка ничуть не стусевался. Вот за что я особенно его люблю – так это за отсутствие ложной амбициозности. Он вовсе не считает, что должен знать абсолютно все, не стесняется того, что чего-то не знает и не стремится у окружающих создать о себе мнение, как о затычке в каждой бочке. – Нет, греческий я разумею – образование предрасполагало; латынь, естественно, тоже. А вот что касается коптского... Надо что-то придумывать.

– Ну вот, приплыли, – вздохнула Софи. – И какой тогда смысл добираться до заветного текста, если все равно ничего толком с ним сделать не сможешь?

– Да есть у меня идеи, – загадочно усмехнулся в бороду Генка. – Вот только сначала надо продумать, какими бумагами следует заручиться, чтобы выбить себе разрешение работать с источником...

– Так возьмем ходатайство у Блейка, – мне казалось, что это наилучший вариант. – В конце концов, кто девушку обедает, тот ее и танцует. Он нам заказал расследование – вот пусть и обеспечивает зеленый свет...

– Да не факт, что, если мы предъявим ходатайство от его фонда, с нами вообще будут разговаривать. Думаю, тут надо действовать по-другому. Ладно, чуть позже начну со всеми этими делами разбираться, пока же нужно распланировать нашу операцию и распределить обязанности. Итак, Этьен выступает постоянно, что бы ни происходило, в роли менеджера проекта – со всеми договаривается, держит связь и пр. Я беру на себя доступ к Евангелию от Иуды и прочим рукописям, их просмотр, поиски знатока коптского языка. Ты, Софи, поскольку тебе все равно сидеть привязанной к телефону, соберешь и собьешь вместе всю информацию об Иуде по официальным источникам – то есть Новому завету (Четвероевангелию, Посланиям апостолов и пр.). А ты, Жерар, займешься пока тем же самым, что и Софи, только работать будешь с апокрифическими текстами.

На том мы и порешили. Еще договорились непременно делиться друг с другом всеми результатами, по возможности оперативно сводить их воедино и, когда первый этап нашей работы окончится, прикинуть, не нужен ли еще и второй и что он может собой представлять.

– У меня предчувствие, – сказал Геннадий, – что пока мы открываем только подготовительный этап наших расследований. Все интересное начнется тогда, когда будет решена обозначенная сегодня программа-минимум. Реальная работа пойдет потом; а нынешние находки лягут ей в фундамент. Как-то так. Вы не думайте, это не мистические всякие измышления, это моя научная интуиция работает, да и идеи кое-какие есть, вот просто пока их обсуждать преждевременно. Хочу, чтобы у вас мнение формировалось обо всем независимо от меня, без моих подсказок. Потом сверимся...

– Я тоже предчувствую Иуду, – согласилась Софи. – Знаете, я его всю жизнь считала выродком и поганцем, а тут вдруг стало просто интересно, что же он мог реально собой

представлять. Может, правда, редкостный подонок, но почему-то мне кажется, что его оболгали нарочно, не знаю, кто, почему и когда... Я уверена, мы все это поймем, а главное – поймем, что такое был Иуда на самом деле.

– А у меня такое ощущение, – не отстал от Таманцева и Софи Жерар, – что этот Иуда – крепкий орешек и вся эта история какая-то темная. Кто-то почти 2 тысячи лет назад взялся наводить прятать концы в воду, а мы вот теперь возьмем и все поймем; да мало того – всему миру все расскажем о том, кто есть кто в истории Иуды. Мне кажется, это ровно тот случай, пережив который, понимаешь, что, в принципе, жил не зря!

– Мне кажется, что мы, в самом деле, многое поймем, может быть, даже и многому научимся, – резюмировал я. – Чувствую, придется отказываться от привычных ярлыков, дать людям и событиям новые интерпретации... Ребята, еще есть время. Кто-нибудь, может, хочет отказаться от этого безумного и рискованного проекта?

– Да ладно, – пробурчал Жерар добродушно, – залетим – так все сразу, это значит, не так и страшно...

– Да вообще не страшно! – отпарировала Софи. – Ну, если что, анафеме предадут, ну, пальцем станут показывать, может, еще к суду привлекут... Ерунда это все...

– Значит, все правильно рассчитали и каждый понимает, будучи абсолютно взрослым человеком, что отныне отвечает за свое здоровье, физическое и моральное, а также за все, что с ним будет или может произойти. Так, что ли, главный?

– Да аминь, – хмыкнул я. – Предчувствую я, что даст нам этот Иуда Искарот жару только так!

Тяжелый рок – тяжелый рок

Итак, каждый из нас получил задание и приступил к его выполнению. Что касается Гены Таманцева, то он, как и было задумано, начал с того, что связался одним специалистом в области коптского языка. Правда, выбор его показался мне в первый момент несколько неожиданным. Но обо всем по порядку.

Таманцев позвонил мне на трубку и сказал:

– Этьен, в первом приближении вопросы с коптским улажены. Мне хотелось бы познакомиться тебя с этим человеком. Пожалуйста, подойди сегодня в клуб «Барселона» часам к 11 вечера, там все и встретимся и обо всем поговорим.

Я немного удивился выбору места для встречи, но подумал, что, в конце концов, всему имеются какие-то объяснения, очень скоро я смогу понять и это чудачество своего приятеля.

– Слушай, – только уточнил я, – а Софи и Жерара обязательно брать с собой?

– Вот я как раз думаю, что пока тебе надо самому познакомиться с Сержем, – ответил Гена. – А там, если все у нас срастется, ты его им просто представишь. Ты меня поймешь на месте. Так будет лучше...

Конечно, я был заинтригован. Но мне не надо было добираться ни до какого места, чтобы понять, что лучше не таскать с собой Софи на деловую встречу, даже если встреча эта намечается в столь злачном местечке, как «Барселона». Ну а что касается Жерара, то пусть уж не идет туда с ней за компанию; с другой же стороны – может быть, он ее немного поразвлекает; иногда все-таки жалко бывает девочку, которую я так мало вывожу в свет. Бедная, совсем засиделась, ни впечатлений тебе, ни себя показать миру... Впрочем, она неизменно так тянет на себя одеяло, стоит ее куда-нибудь прихватить с собой, что каждый раз после таких вылазок даешь себе слово, что это было в самый что ни есть распоследний раз.

Естественно, вечером я был в «Барселоне». Геннадий в черной косухе, бандане и каких-то сомнительных цепях поджидал меня у барной стойки. Собственно, большинство здешних аборигенов было прикинуто примерно так же. На мне были просто черные вельветовые штаны и черный же джемпер грубой вязки, так что я соответствовал заведению хотя бы цветовой гаммой своей одежды. Я заказал бренди и закурил:

– А Серж-то твой где? Опаздывает, что ли?

– Будет минут через пять, подожди...

– Да я-то, конечно, подожду. Занятно здесь, все красивенькие такие. А я и не думал, что когда-то встречу тебя в таком виде... И кто бы мог подумать, батюшка Геннадий, на кого же вы похожи-то?

– Да я же, во-первых, расстриженный. А во-вторых, где это написано, чтобы православный христианин, скажем, не смел одеваться таким образом или не смел посещать такие места?

– Ну, нигде, наверное...

– Вот именно что нигде. А то, что не нельзя, то, стало быть, можно, – Генка хитро прищурился и подмигнул мне.

В это время все присутствующие в клубе повернулись к эстраде, кто-то закричал:

– Серж! Серж!

Те, кто сидел, заколотили ногами, раздались свист, разноголосые вопли радости, несколько девиц хлопали в ладоши. Свет в зале притушили, и на эстраду вышел длинно- и черноволосый парень в черном балахоне, с акустической гитарой. Все одобрительно заревели, замахали ему, он показал залу «козу», сказал: «Привет, люди, начнем, что ли?», взял первые аккорды. Публика притихла. После недлинного проигрыша он запел низким, очень проникновенным голосом:

Ты помнишь, демоны стучались в окна наши?
Они скребли по стеклам грязными когтями...
Никто не выслушал моления о чаше,
И смерть костлявая стояла перед нами...
И ты безжалостно шагнула ей навстречу,
И кровь твоя, как первый дождь, омыла землю...
Так ты ушла, а мне оправдываться нечем:
Зачем дышу, зачем дышу, вообще – зачем я?..¹²

Смолкли последние аккорды, и зал начал бурно выражать свою радость. Было видно, что певца здесь любили, ждали и были безумно рады его выступлению. Серж спел еще несколько песен, публика подпевала, скандировала его имя, топала, хлопала и приплясывала. Примерно через полчаса он объявил перерыв и направился к нам.

– Ну вот, – представил нас друг другу Гена, – рок-звезда Серж, в миру Сергей Ларионов, в монашестве (бывшем) о. Сергей. Он же – кандидат филологических наук, лингвист, посвятивший свою диссертацию саидскому диалекту коптского языка.

– Ох ни фига ж себе... – только и смог сказать я, пожимая руку Сержа, на указательном пальце которой красовалось массивное серебряное кольцо с коптским крестом.

– Привет, Этьен, – улыбнулся он. – Как тебе здесь?

– Да ничего клуб, видно, что здесь собирается определенный контингент...

– Это точно... А как музыка?

– Знаешь, – я нисколько не покривил душой, – очень за душу берет. В особенности как ты спел первую свою балладу, у меня просто мороз по коже пошел... Слушай, но мне показалось, что звучала не одна акустика, между тем на сцене ты был один...

– Да у меня нет группы. Я работаю только с сольными проектами. Всегда. Тут есть некоторые технические ухищрения, если попросту говорить – то включается фанера еще нескольких инструментов.

– Только имей в виду, эту фанеру Серега сам и пишет, – вставил свое слово Таманцев. – Он у нас человек-оркестр.

– Постойте, так ты, Сергей, говорил, что это твой очередной проект?

– Кассе, ты не поверишь, – снова откликнулся Геннадий. – Проект называется «Я Иуда»...

– Опаньки!!!!!! А он при чем тут?

– Ну как же, я же коптолог. – Пояснил Серж. – А в начальной коптской традиции Иуде уделялось очень много внимания, он был фактически ключевой фигурой ряда гностических апокрифов. Иуда – символ духовного поиска, нетщеславной любви, самопожертвования и самоотречения... Мне кажется, если вдуматься, Иуда – один из первых бунтарей в истории человечества, потому он вполне коррелирует с тяжелым роком. Кроме того, Иуда – это трагедия, смерть, космизм – то есть опять же тяжелый рок. Вот поэтому «Я Иуда».

– Нет, у меня сегодня вечер откровений, – подивился я. – Сначала Генка предлагает встретиться в ночном клубе, потом сам туда припирается в косухе и бандане, по ходу оказывается, что специалист в области коптского, с которым мне и забита стрелка, рок-музыкант, тут же выясняется, что он еще и монах-расстрига, как и сам Генка, ну и на закуску он говорит, что он торчит и прется от Иуды, расследовать обстоятельства жизни которого мы, собственно, и подвизались...

Минут через пять Серж снова оказался на сцене и снова пел. И я, то ли потому что выпил уже достаточно бренди, то ли потому что так на меня все это подействовало, не зная слов, подпевал ему, и кричал его имя, и свистел, и размахивал зажженной зажигалкой, когда

¹² Перевод Д.Смелянкой. – Прим. редакции.

он исполнял наиболее лирические свои композиции. Это было, на самом деле, необыкновенно талантливо и красиво.

После того как Серж отпелся, мы втроем переместились в другое место, где просто пили остаток ночи да говорили о жизни.

Сергей Ларионов родился в семье потомственных питерских интеллигентов, обожал родителей, обожал сестру. Окончил университет, во время обучения на филфаке его переключило на коптских традициях и религии, поэтому он поступил в аспирантуру, вместо 3-х лет проучился в ней всего 2 года, с блеском защитил диссер. Основательно поднаторев в своей науке, Сергей решил дальнейшую свою жизнь посвятить Богу и принял постриг в том же мужском монастыре, что и Гена Таманцев. Еще ранее знакомые друг с другом, ребята здорово сблизились в своей обители, постоянно устраивали философские дебаты, пытались даже издавать в монастыре листок «Православный путь». Однако Генка сбежал из монастыря ввиду непредвиденных обстоятельств,¹³ был заочно расстрижен и через некоторое время вынужден нелегально эмигрировать из России. История Сержа-Сергея развивалась по иному сценарию. Его младшая сестра, увлекавшаяся тяжелым роком и, похоже, входившая в сатанинскую секту, в один прекрасный день покончила жизнь самоубийством, написав ему на прощание очень сумбурное и ничего не объясняющее письмо. Горю тогда еще о. Сергия не было предела. Он бесконечно винил себя за то, что настолько ушел в мир сначала своей науки, а потом веры, что совершенно забыл о близких. Он прекрасно знал, что если бы рассказал своей Катке о том, что знал сам, она бы так фатально не запуталась, а значит, была бы жива. Постепенно горечь утраты сменилась для него осознанием нового долга: он не спас Катку, но, может быть, сумеет достучаться до других Катек, может быть, подберет ключ к их внутреннему миру, научится говорить с ними на одном языке. Только вот что это должен быть за язык? Ясно, что проповедью в наше время никому ничего не доказать. Зато современные тины и молодняк прекрасно понимают язык тяжелого рока. Придя к таким умозаключениям, о. Сергей обратился к настоятелю монастыря, чтобы тот благословил его на сольный проект. Тот посмотрел на своего монаха, как на полоумного:

– Сын мой, – сказал он, – я вижу, что ты находишься под влиянием тех же бесовских заблуждений, что и твоя покойная сестра. Она накликала своим поступком жуткую беду на всех своих родичей, а у тебя так просто помутился разум в связи с ее кончиной. Единственное, что ты теперь можешь сделать в память о ней, – это молиться о ее заблудшей душе, которая не пожелала принять покаяния и не захотела отойти в мир иной так, как подобает православной душе – смиренно и с молитвой. Ее последний поступок глубоко аморален и отвратителен, он характеризует ее как женщину взбалмошную и нечистоплотную, достойную анафемы и осуждения. Я понимаю твои чувства, сын мой, но ты просишь о том, о чем не может быть и речи. Никогда не позволю я тебе принимать участия в бесовском действе, которое принято именовать роком. Думай о своей душе, спасай ее, ибо враг уже вплотную подобрался к ней и нашептывает в уши твои срамные и прелестные речи!

Выслушав эту тираду, Сергей, вопреки предположениям своего духовного отца, вместо того, чтобы вернуться на путь истины и осудить свою сестру-суицидницу, повел себя практически неадекватно. Во-первых, он заявил настоятелю, что тот не имеет никакого права осуждать Катю, которую ему, Сергею, пока он жив, не заменит никто. Во-вторых, он сообщил, что, хочет того настоятель или не хочет, он, Сергей, непременно возьмет Катину старенькую гитару и станет петь для ее сверстников песни про нее же. Ну а в-третьих, он полагает, что вездесущий и всевидящий Бог мог бы и позаботиться о рабе своей и отвести от

¹³ Об этом подробно рассказано в книге «Ключ Соломона». Если особо не вдаваться в подробности, то история Генкиного бегства и расстрижения выглядит следующим образом: Таманцев собирал материалы для написания биографического исследования о Христе. Настоятелю монастыря ход его мыслей и характер привлеченных источников не понравился; Генка был вынужден спасаться бегством, а заодно спасать и свой труд. – Прим. автора.

нее искушения, если уж на то пошло, и не допустить ее смерти. А если он все это спокойно допустил, а теперь еще требует того, чтобы истинные христиане заклеили позором покончившую собой девочку, то он жуткой лицемер, бессильный и самовлюбленный дурак, от которого в принципе нет никакого прока. «Понимаете, – резюмировал Сергей, – сейчас, во время беседы с вами, я вдруг понял, что Бог мне больше ни к чему. Он не помог моей сестре, он допускает войны, стихийные бедствия, с его соизволения и при его попусшении люди убивают друг друга, измываются друг над другом. А Бог при этом только со всех спрашивает ответа, но не помогает никому. Ему надо кланяться, его надо бесконечно задабривать молитвами и жертвами, чтобы на выходе он дал тебе возможность умереть. Но ведь даже если он этого и не захочет, я умру все равно! Он не сможет отнять у меня этого права! А все остальное – просто мишура, фантики!!!». С этими словами о. Сергей совлек с себя монашеское одеяние, сложил свои немудреные пожитки и отправился в путь. Сначала он вернулся в Питер, потом его начало кружить по жизни, он оказывался со своей гитарой то здесь, то там, и вот уже вышло 2 его CD, и вот о нем уже начали говорить, как о явлении в мире рок-музыки. Наконец к тому времени уже Серж на время обосновался в Париже. Именно здесь в один прекрасный день с ним нос к носу среди бела дня столкнулся наш Гена Таманцев. Они пообещали не терять друг друга из виду. А вскоре у Таманцева появилась возможность привлечь давнего приятеля как специалиста в наш проект.

– Знаешь, – под утро, когда небо уже начинало становиться белесым, говорил мне Серж, – тяжелый рок – это тяжелый рок. Это такая нелегкая судьба, если хочешь, карма. В нем и жизнь, и смерть, и все, что я знаю, и все мои вопросы к жизни. Знаешь, я сейчас пытаюсь осмыслить два момента – личность Иуды и идеи Ла Вей... Ведь Катька моя, похоже, на них подсела. Размотать бы это все, понять бы как-то... Ведь этот самый Антон Шандор – личность, безусловно, незаурядная. С какого такого перепугу он стал основателем альтернативной религии?¹⁴ И что молодняк в сатанизме находит? Надеюсь, мне когда-нибудь удастся раскрутить этот клубок. Может быть, тогда я узнаю, что же толкнуло Катьку... Вот такой у меня рок. А проектом вашим я займусь за милую душу. Мне всегда казалось, что придет время, и мои познания мне еще сослужат службу. Вот, похоже, такое время и настает. Я уверен, если взяться за дело с головой, можно нарыть очень даже много интересного. Коптский язык – это тоже мой тяжелый рок.

– Только я одного не понимаю, – честно признался я. – Как тебя в рокеры-то занесло? Ну, хотел говорить с молодежью, вразумлять кого-то – шел бы в преподы, тем более, у тебя же есть степень, вроде интересная квалификация?

– Да понимаешь, – ответил он, – это вопрос приоритетов и жизненной философии. Образование, даже самое что ни на есть фундаментальное и прикладное, – это всегда некий официоз. А молодые ребята официозу не верят. В общем, и правильно делают. Университеты во все времена у всех народов были проводниками официальной идеологии. Впрочем, случались и поныне случаются эпизоды университетских бунтов, но там инициатива исходила и исходит от студюзов, а не от профессуры.¹⁵ Это вообще классическое противостояние «студент—профессор», так сказать, самовоспроизводящаяся система. Я могу кого-то научить разбираться в коптском языке, устанавливать возраст папирусов, навскидку анализировать состав чернил – это у меня получится из позиции «препод». Но повлиять на чью-то душу, достучаться до внутреннего мира, причем в массовом порядке... Однозначно нет, не получится. Тут нужно другое. И я давно понял – что, понял, работая с сочинениями отцов церкви и представляя себе воочию их деятельность в первые века христианства...

¹⁴ Антон Шандор Ла Вей – основоположник современного сатанизма, автор нашумевшей «Книги Сатаны». – Прим. автора.

¹⁵ Кстати, нынешней весной в Париже как раз и произошел очередной студенческий бунт, вызванный полнейшей непродуманностью закона о первом найме. – Прим. редакции.

– Ты хочешь сказать, что какой-нибудь Павел был рокером?

– Не совсем так. Он был проповедником. Причем выступал столь патетически, что собирал огромные толпы народу! Люди слушали его и теряли голову. Они скандировали его имя, повторяли за ним каждое его слово, плакали и кричали во время его выступлений. А Иоанн Златоуст? Вот ведь тоже глыба! Просто необыкновенных масштабов фигура!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.